

Отар ИОСЕЛИАНИ: ДУМАЯ О БУДУЩЕМ, ТРУДНО НЕ ИСПЫТЫВАТЬ ОТЧАЯНИЯ

Разношенные мысли, высказанные вслух

Марина Невзорова

Мастер

ВДОМЕ КИНО 17 ноября перед показом фильма «Охота на бабочек» его создателю, режиссеру Отару Иоселиани, был вручен приз Фонда имени Андрея Тарковского. Приз был присужден Иоселиани еще во время XVIII Международного кинофестиваля в Москве, но торжественную церемонию пришлось отложить — мэтр не мог дожидаться окончания феста. Ныне его приезд связан с беспрецедентным событием: в столице, а также в Воронеже и Саратове началась полная ретроспектива его картин. Это стало возможным благодаря титаническим усилиям ТО «Атланта», возглавляемого Элемом Климовым и Марианной Чутуновой, которые не только собрали все фильмы Иоселиани, но и сделали высококачественные копии на «Мосфильме».

Отар Иоселиани встречался с журналистами и летом, и теперь. Соединив эти две разорванные во времени встречи, я предлагаю их читателям в виде некоторых разрозненных мыслей, высказанных вслух:

— Ретроспектива делится на два периода. Первый — это фильмы, снятые в Грузии. Второй, начиная с 82-го года, — во Франции, когда я уехал по не зависящим от меня причинам. «Пастораль» я снял в 1975 году и ничего не делал, не мог до 82-го. Все мои уловки Госкино научилось разгадывать и заявки отвергало. Я поехал во Францию — в Синамате — на показ своих фильмов. И тогда Тонино Гуэрро мне сказал: «Задохнешься ты там, приезжай, мы придумаем какое-нибудь приглашение». Я прекрасно понимаю душевное состояние Пушкина, которого не выпускали за границу. В восьмидесятые в этом смысле мы все были чуть-чуть Пушкиными. Каждому хотелось уехать, чтобы вздохнуть. Нам казалось, что там-то все прекрасно. Я вернулся, пошел к Шеварднадзе. Он позвонил Ермашу и, пошептавшись с ним, сказал: «Ермаш будет рад, если ты уедешь». Так я оказался во Франции.

Первый период ушел навсегда. Но я думаю, что все-таки он имеет какую-то ценность, хотя бы архивную. Даже если предположить,

что фильмы, сделанные в то время, были в какой-то степени конъюнктурны, даже если принимать их как китч, они войдут в историю искусства. Хотя, честно говоря, я старался просто запечатлеть то, что мне люб и что не очень. Так что, как гражданином и человеком, я не буду слишком мучиться угрызениями совести.

— Может, мне не очень многого хотелось, но все, что я хотел снять, я снял. Помочь нам не может никто, помочь мы можем только сами себе. Я не умел и не умею быть гибким. Ни под давлением Госкино, ни под давлением французских продюсеров. Помогает только упорство. Не очень выгодные качества. Приходится подолгу ждать. Работать во Франции становится все труднее и труднее. Теперь мне даже кажется, что с Госкино было намного проще. Там тебе сразу давали категорический ответ, а здесь как морковкой манят все время надеждой, и это растягивается на месяцы, а то и на годы. Выматывающая стратегия, рассчитанная, видимо, на то, чтобы сделать художника более покладистым.

— Я с подозрением отношусь к понятию «народ» в том смысле, в каком оно было сформулировано товарищем Сталиным. Каждый политик вкладывает в это понятие лишь ему нужное содержание для того, чтобы этим народом манипу-

лировать без зазрения совести. Для меня народом, которому я действительно благодарен, всегда были близкие люди, которые в разные периоды моей жизни поддерживали, подбадривали меня. К сожалению, чем больше проходит времени, тем меньше возможности общаться с новыми людьми, потому что с годами мы становимся осторожнее, черствее, замыкаемся в себе и своем прошлом. Печально, что с каждым годом сужается круг моего народа, уходят из жизни друзья, оставляя навсегда пустым свято место.

Если же говорить действительно о народе, то он обезумел и одичал. Наверное, это закономерно. Не могли по-иному прожить себя люди, которых так долго унижали и топтали. Свобода потому и обернулась для нас вседозволенностью, вандализмом, трагедией.

...

— Для меня, как для каждого уходящего поколения, новое кажется тревожным и опасным. Я не понимаю молодых людей, о чем они спорят, поют, я не понимаю даже, как они танцуют. Хотя если вдуматься, то говорят они о вещах весьма банальных и примитивных. Думая о будущем, невозможно не испытывать отчаяния. Но жизнь есть жизнь, и она течет, повинуюсь повседневным законам бытия, даже если внутри и берет тебя предчувствие катастрофы. Надо поэтому научиться радоваться каждому прожитому дню, каждой минуте.

...

— Я верю в волнообразное движение истории и человеческого духа. Хотя меня все время не отпускает мысль: а как бы сложилась судьба человечества, если бы оно тотально не увлеклось идеей прогресса? Если бы оно пошло по пути того бесценного наследия, которое имело в начале века? Может, тогда и наша сегодняшняя жизнь была бы более радостной? Но в первое десятилетие нашего века мир раскололся на два лагеря, и теперь мы имеем то, что имеем. Хотя я понимаю, что прошлое всегда выигрывает в сравнении с настоящим. Это каждый знает и по себе. Прошлое — это юность, любовь, радостное ощущение окружающего мира, и, вспоминая о нем, всегда грустит и человек, и человечество.